

СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ, СИНОНИМИЧНЫЕ ПРИДАТОЧНЫМ ПРЕДЛОЖЕНИЯМ, В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ И ПРИРОДА ИХ ПРОИСХОЖДЕНИЯ

А. Ф. Шутов (Ижевск)

В современном удмуртском языке широко представлены параллельные синтаксические конструкции: распространенные члены предложения (обороты) и придаточные предложения. Которые из указанных синонимических конструкций являются исторически древними?

В уральском праязыке, по-видимому, отсутствовали союзные придаточные предложения, так как в современных уральских языках нет восходящих к праязыковой эпохе подчинительных союзов. «Служебных слов, за исключением отрицательных вспомогательных глаголов, в прафинно-угорский период еще не было. Союзы в то время не сформировались, поскольку сочинение предложений и его однородных членов осуществлялось без связующих слов, и союзные сложноподчиненные предложения появились в отдельных ветвях и даже языках значительно позднее» (Основы 1974: 215). В удмуртском и коми языках общепермским можно считать лишь условно-временной союз *ke/kö* 'если', возникший из частицы. Одним из древних средств выражения гипотактических отношений в уральских языках являются предложения с распространенными членами предложения (оборотами).

В удмуртском, а в целом и в пермских языках, можно выделить две разновидности конструкций с неспрягаемыми формами глагола (деепричастиями, причастиями, отглагольными именами и другими словами): а) конструкции **моносубъектные**, имеющие общий с основной частью предложения субъект действия в виде одного грамматически выраженного подлежащего (приводим удмуртские и коми примеры): удм. *Гурт пыртіт потыкуз, со сельполэн магазинэз азе дугдйз* (Архипов: 121) 'Проходя через деревню, он остановился перед магазином сельпо'; к. *Керкавь петӧм мысьт Мишка эз тӧд, кодарланӧ мӧдӧдчыны, да сувтовкерис кильчӧ вылас* (СКЯ 1967: 73) 'Выйдя из дому, Мишка не знал, в какую сторону направиться, и приостановился на короткое время на крыльце'; б) конструкции **немоно-субъектные**, стержневое слово которых выражает действие, не относящееся к субъекту, выраженному подлежащим предложения. Это преимущественно так называемые субъектные (или разносубъектные) конструкции, имеющие

отличный от подлежащего основной части предложения свой грамматически выраженный субъект действия: удм. *Юамлы пумит верамысь Мённяя чал-мытскем бере. Дыдык нош ик кырзаны кутске* (Кедра Митрей: 11) 'После того как Мённяя, уклонившись от ответа на вопрос, умолкла, Дыдык снова начинает петь'; к. *Лым сылём бõрын, Петруш сикт дорті тундраõ мунігõн, Исак купеч стадаын тыдовтчис виль пастух – Зимогор* (СКЯ 1967: 128) 'Когда после стаяния снега двигались к тундре мимо деревни Петрушино, в стаде купца Исака появился новый пастух – Зимогор'.

Конструкции первого типа, вероятно, могли развиваться в недрах простого предложения: такой точки зрения на материале разных языков придерживаются А. Рифтин (1937: 66), Н.З. Гаджиева (1967: 50) и др. При реализации порядка слов «определение + определяемое» второстепенные сказуемые в форме инфинитных (неконечных) глаголов, превращаясь в определители основного сказуемого в личной (конечной) форме глагола, предшествуют ему: *1928 арын, рабфаклэн кыкеті курсаз потэме бере, академической отпуске потыса, шоне Ижевске берті* (Молот, 1976. № 3, 31) 'В 1928 году, после перехода на второй курс рабфака, взяв академический отпуск, в июне я приехал в Ижевск'; *Отделенияз пырыса, мае ке лушкам мурт сямен, адымиос адземлэсь азыло ординаторское пыриз но, чылкак зигарыз бырыса, диван вылэ лэзькис* (Красильников, 74) 'Зайдя в свое отделение, подобно что-то укравшему человеку, пока люди не увидели, [он] вошел в ординаторскую и, полностью обессилив, опустился на диван'. Термины «конечные», «неконечные» формы глагола или сказуемые, использованные в алтаистике и монголистике, действительно отражают характерное строение предложений языков агглютинативного типа.

Конструкции второго типа некоторые ученые (П.Н. Перевощикова, Н.М. Терещенко) считают возникшими из определительных словосочетаний, но многие финно-угроведы (Ф.Й. Видеман, Д.Р. Фокош-Фукс, А. Клемм, Г. Стипа, Л.И. Калинина, Э. Кангасмаа-Минн и др.) справедливо, на наш взгляд, возводят их к бывшим самостоятельным предложениям. Однако исследователи не дают ясного истолкования самого процесса превращения бывшего древнего предложения, не существующего и не имеющего реликтов в современном языке, в конструкции с инфинитной формой глагола. Такой механизм превращения на материале тюркских конструкций указанного типа, как мы считаем, довольно убедительно рассмотрен в монографии Н.З. Гаджиевой (1973: 212–225). Ее концепции мы придерживаемся в вопросе происхождения рассматриваемых конструкций удмуртского языка (о нашей точке зрения см. также: (Шутов 1978: 283–289). Однако обстоятельно развернутая концепция Н.З. Гаджиевой не является единственной в своем роде. Большой интерес представляет замечание Ф.Й. Видемана (Wiedemann 1884: 230) о возможности в пермских языках с помощью отглагольных имен и деепричастий сокращать два предложения в одно, а также предположение Д.Р. Фокоша-Фука (11: С. 306–307) о том, что рассматриваемые синтаксические

образования представляют собой **контаминацию двух конструкций**: к. *me voi 'я пришел' X meam voted'ž > me voted'ž* 'до моего прихода'.

Предложения с инфинитными конструкциями постоянно привлекали внимание исследователей. Об этом свидетельствует ряд высказываний (теорий) относительно статуса и природы происхождения конструкций рассматриваемого типа на материале разных языков: теория сокращения предложений с помощью неличных форм глагола (если эта теория сокращенных придаточных предложений в русистике была отвергнута, то для удмуртского и вообще языков агглютинативного типа ее актуальность не утрачена), трансформация предложений (зависимые трансформы) (Kurylowicz 1964: 30; Гаджиева 1973: 212, 235), номинализация предложений (Kangasmaa-Minn 1970: 118–130; Bartens 1979: 17), свернутое предложение (Цыпанов 1997: 19), конструкции «бессоюзного гипотаксиса», «склонение предложений» (Черемисина 1979: 40) и др.

Трансформационную сущность предложений удмуртского языка можно продемонстрировать, взяв за исходное любое предложение. Для иллюстрации этого явления возьмем сначала предложение со сказуемым, выраженным личной формой глагола и проведем трансформации предложения (по выражению М. И. Черемисиной, «просклоняем» его): *Коля городысь гуртэ бертэ* 'Коля из города в деревню возвращается' – *Коля городысь гуртэ бертыку, куазь шундыё вал* 'Когда Коля возвращался из города в деревню, погода была солнечная'; *Коля городысь гуртэ бертэм бере, куазь шулдыр кариськыз* 'После того как Коля возвратился из города в деревню, установилась хорошая погода'; *Коля городысь гуртэ бертон нуналэ куазь шундыё вал* 'В тот день, когда Коля вернулся из города в деревню, погода была солнечная'; *Колялэсь городысь гуртэ бертэмзэ ми кемалась витиськом ини* 'Мы давно уже ждем, когда Коля вернется из города в деревню'; *Колялэн городысь гуртэ бертэмез милемыз ваньмес шумпоттиз* 'Нас всех порадовало то, что Коля вернулся из города в деревню'.

Подобным образом можно преобразовать предложения с именным сказуемым (без глагольной связки): *Куазь шулдыр* 'Погода хорошая' – *Куазь шулдырен пинальёс кыре потэмын* 'Так как погода хорошая, дети вышли во двор'; *Куазь шулдырлы ваньмыз шумпото* 'Все радуются, что погода хорошая'; *Куазь шулдыр нунальёсы ми бусыын ужамы* 'В те дни, когда погода была хорошая, мы работали в поле'. Указанные трансформы позволяют более подробно раскрыть природу происхождения гипотактических конструкций с инфинитными глагольными формами и другими словами в удмуртском языке.

Предложения с немоносубъектными конструкциями возникли из двух самостоятельных предложений и являются одной из древних форм выражения гипотаксиса в удмуртском языке. Действие порядка слов «определение + определяемое» в удмуртском языке приводило к тому, что, втягиваясь в рамки подчиняющего предложения, глагол-сказуемое подчиняющегося предложения превращалось в деепричастие, причастие, отглагольное

имя в падежной форме или с послелогом, а именованное сказуемое подчиненного предложения при трансформации подвергалось адъективации или субстантивации.

В удмуртском и коми языках глагол-сказуемое подчиненного предложения чаще всего трансформируется в *м*-овые и *н*-овые инфинитивные формы (отглагольные имена, причастия), являющиеся исторически финно-угорским (уральским) праязыковым наследием. При соединении двух простых предложений в целях подчинения одного предложения другому глагол-сказуемое подчиняющегося предложения может быть преобразован следующими способами:

1. Глагол-сказуемое превращается в деепричастие, *м*-овое и *н*-овое отглагольное имя в падежной форме или с послелогом. Так возникают семантические аналоги обстоятельственных придаточных предложений, среди которых особенно выделяются абсолютные деепричастные обороты, обладающие значительной самостоятельностью в предложении: удм. *Ачид ужатэк, куазь уз сёт* (Посл.) 'Если сам не будешь работать, от погоды не жди (букв. Сам не работая, погода не даст)'; к. *Батьыс первойсö быгавмönыс повзис нель красноармеец пырöмысь* (СКЯ 1967: 61) 'Сначала отец страшно испугался прихода четырех красноармейцев'. П. И. Савваитов в своей «Грамматике зырянского языка» (Санкт-Петербург, 1850: 116) коми конструкции типа *мйан узгöн* 'во время нашего сна' сравнивает с греческим абсолютным генитивом.

Относительную самостоятельность приобретают и другие субъектные обстоятельственные конструкции, стержневыми словами которых являются *м*-овые и *н*-овые отглагольные имена в падежной форме или со служебными словами (послелогами): удм. *Егитъёс сайкыт салкымын пумиськон дыръя, беризь улэ нош ик пересь вуиз* (Коновалов, 90) 'Когда молодые встретились в прохладной тени, под липой снова появился старик'; к. *Ва вощёмсянь йи куттöдз ветлан* – "кывтанкатан" (СКЯ 1967: 75) 'Со вскрытия реки до ледостава ездешь вниз и вверх по реке'.

Субъект конструкции может быть выражен не только существительным или другим словом в именительном падеже, но и лично-притяжательным суффиксом при стержневом слове конструкции: *Пересь кызьпу улэ вуыкумы, пеймыт луэ ни вал* (Васильев, 16) 'Когда мы подошли к старой березе, уже темнело'.

Имеются случаи, когда при подчинении трансформации подвергается не только глагол-сказуемое бывшего предложения, но и подлежащее слово, которое принимает аффикс родительного падежа: удм. *Отчы ветлыны кутскизы Володялэн цехе интыяськемез бере* (Молот, 1987, № 12, 7) 'Туда они начали ходить, после того как Володя устроился в цех'. В последнем примере между словом, выражающим субъект действия, и отглагольным именем, выражающим его действие, устанавливается изафетная (притяжательная) связь – *Володялэн интыяськемез* (букв. 'Володино устройство-его').

2. Глагол-сказуемое подчиняющегося предложения превращается в *м*-овое (реже *н*-овое) имя в падежной форме (чаще всего в аккумулятиве) или с послелогом. Бывшее предложение становится распространенным дополнением к сказуемому подчиняющегося предложения. Так возникают семантические аналоги **дополнительных** (по структурно-семантической классификации **изъяснительных**) придаточных предложений. При подчинении трансформации часто подвергается и подлежащее, и сказуемое зависимого предложения одновременно: между бывшими главными членами устанавливается изафетная связь – существительное принимает аффиксы родительного или разделительного падежей, а отглагольное слово – притяжательный и падежный аффиксы: удм. *Мон солэн дано учёной луэмезлы чик уг паймиськы* (Молот, 1974, № 3, 32) ‘Я несколько не удивляюсь тому, что он стал известным ученым’; к. *Дыр кыліс Илья Лысколысь норaa омлялёмсё* (СКЯ 1967: 126) ‘Долго слышал Илья, как жалобно воет Лыско’; удм. *Тйни со ужсьёслы ик люкетозы тынад телефон юбоосыд. Малтаськы соосты кызьы воитон сярысь, аслад кивалтйсьёсыныд кенешы* (Молот, 1976, № 3, 17) ‘Вот тем работам и помешают твои телефонные столбы. Подумай, посоветуйся со своими руководителями, как их заменить’.

Объектные конструкции в удмуртском языке весьма разнообразны, они могут содержать в своем составе относительные местоимения и наречия, которые могут быть использованы и в качестве стержневого слова конструкции: удм. *Озыы поплзсь малы, кытчы кошкемзэ нокин ёз тод* (УКС, 90) ‘Так никто не знал, куда и зачем ушел поп’; *Адями адже ук кинлзсь кычезэ* (Молот, 1974, № 12, 25) ‘Человек же видит, кто каков’. Такие конструкции легко можно трансформировать в придаточные предложения, превратив указанные слова в союзные слова, ср.: *Адями адже ук, кин кычэ* (перевод тот же). Объектные конструкции последнего типа для коми языка не характерны.

Реже трансформации может подвергаться в удмуртском языке только сказуемое подчиненного предложения, принимая при этом аффикс дательного падежа: *Гужем каникулъёс вуэмлы Лёняен Мики туж шумпотйзы* (Молот, 1975, № 1, 53) ‘Лёня и Миколка очень обрадовались наступлению летних каникул’. Именное сказуемое подчиненного предложения, оформляясь падежно-притяжательными аффиксами, субстантивируется: *Тыметлзсь артынзэ мон тонтэк но тодйсько* (Молот, 1976, № 1, 52) ‘Что пруд рядом, я и без тебя знаю’.

3. Глагол-сказуемое подчиненного предложения превращается в *н*-овое (реже *м*-овое или другое) причастие. Бывшее предложение становится определением к существительному подчиняющегося предложения. Так возникают семантические аналоги **определятельных** придаточных предложений: удм. *Маринаен Микол пумиськон нуналэ соолэн атайёссы кулон камераын огазе вуизы* (Самсонов С., 77) ‘В тот день, когда встретились Марина и Микола, их отцы оказались вместе в камере смертников’; к. *Сійö вöлі батьö кулан воö* (СКЯ 1967: 47) ‘Это было в год смерти отца’; удм. *Дöддымы трактор ортчем сюрестй солань-талань бекмылльське* (Самсонов Е, 49) ‘Наши сани

бросает из стороны в сторону по дороге, по которой проехал трактор'. Трансформации может подвергаться и подлежащее подчиненного предложения. Оно принимает аффикс родительного или разделительного падежа: между бывшим подлежащим зависимого предложения и существительным подчиняющего предложения, к которому относится подчиняющееся предложение, при этом устанавливается изафетная связь: удм. *Ӧз лыкты, но мон сое витисько, — я чассэ, я Олялэсь лыктон сюрессэ синйылтэ Ложкин* (Смирнов, 13) 'Не пришла, но я ее жду,— поглядывает Ложкин то на часы, то на дорогу, по которой должна прийти Оля'.

4. Глагол-сказуемое подчиненного предложения превращается в *м*-овое (реже *н*-овое) отглагольное или другое субстантивированное слово. Бывшее предложение становится **подлежащим** подчиняющего предложения, а между бывшими главными членами после их трансформации часто устанавливается изафетная связь: удм. *Дангырлэн сюрлозэ сётымтэз солы яраз* (Кедра Митрей, 18) 'Ей понравилось то, что Дангыр не отдал свой серп'; к. *Кылӧ машина колесаяслӧн асфальт вывті лӧня шыргӧм* (СКЯ 1967: 128) 'Слышно тихое шуршание движущихся по асфальту колес машин'; удм. *Бюджетись коньдонлэсь кытчы кошкемзэ эскерыса возён луонлык кылдытоз уксёез жечгес кутыны* (Удмурт дунне, 1996, 9 ноября, 1) 'Контроль за расходованием бюджетных денег создаст возможность лучше использовать финансы'.

При подчинении предложения с именным сказуемым его сказуемое подвергается адъективации (так возникают субъектные определительные конструкции) или субстантивации (возникают объектные и обстоятельственные конструкции): удм. *Мылкыдыз умой муртэн вераськыны но капчи* (Посл.) 'С человеком, у которого хорошее настроение, приятно и разговаривать'; удм. *Табере вера, кызы тойд миңэсьтым татынме* (Гаврилов, 108) 'Теперь скажи, как ты узнал, что я здесь'. Примеры на трансформации предложений с именным сказуемым в коми языке нами не зафиксированы.

К немоносубъектным конструкциям с неличными формами глагола в удмуртском языке, кроме субъектных конструкций, относятся в редких случаях конструкции, которые соотносимы с односоставными предложениями: *Ӧжытак шуныт луэм бере, Миша гид сигазы кӧланы кутскиз* (Ломагин, 14) 'Когда немножко потеплело, Миша начал ночевать на чердаке хлева'; *Вандэмое Кукиан паласен лыктыку, нырысь ик Чокорлэн, Нунылэн но Мыстай Иванлэн юртъёссы син азе туксё* (Молот, 1975, № 11, 34) 'Когда приходишь в Вандэмо со стороны Кукшана, сначала перед глазами появляются дома Чокора, Нуны и Мыстай Ивана'.

Следует отметить, что имеются случаи частичной аномальной трансформации, когда бывшее подлежащее подчиненного предложения принимает показатель винительного падежа: удм. *Ми тонз бырид кожам* (Коновалов: 49) 'Мы подумали, что ты погиб (букв. Мы тебя погиб подумали)'.

О том, что рассматриваемые предложения с немоносубъектными инфинитными и другими конструкциями возникли из двух предложений,

свидетельствуют следующие факты: 1) наличие в предложении двух грамматически выраженных субъектов в именительном (при изафетном оформлении в родительном или разделительном) падеже или, иначе говоря, способность формирующего члена конструкции в большинстве случаев к реализации “собственной субъектно-подлежащей валентности”, что характерно и для самодийских языков (Морев, Кузнецова 1995: 366; Кузнецова 1996: 54–55); 2) формирующие члены (инфинитные формы глагола) конструкций, как и личные формы глагола, сохраняя способность глагольного управления (валентность), могут иметь при себе зависимые конститuentы; 3) составные формирующие члены инфинитных конструкций, которые можно трансформировать в глагольные и именные составные сказуемые, ср.: *Нюлэскын писпу куаръёс ёужектыны кутскыку, чорыгъёс, чорыгъёслэн сямъёссы чылкак воштйсько* (Молот, 1975, № 11, 50) ‘Когда в лесу начинают желтеть листья деревьев, рыбы и их повадки становятся совершенно другими’ – *нюлэскын писпу куаръёс ёужектыны кутско* ‘в лесу начинают желтеть листья деревьев’; 4) невозможность самостоятельного функционирования той части субъектных отглагольно-именных конструкций, которая была бы взята изолированно от служебного слова: ср., например, *нюлэскысь писпуос куарен шобырскыны кутскон...* (букв. ‘из леса деревья листьями покрываться начинание...’) в предложении – *Нюлэскысь писпуос куарен шобырскыны кутскон дыръя, зольгырилэн пиосыз потыса вуо* (Яковлев, 43) ‘Когда деревья в лесу начинают покрываться листвой, у воробьев уже появляются птенчики’.

Некоторые тюркологи (например, татарские языковеды) рассматривали предложения с субъектными конструкциями в татарском языке в качестве сложноподчиненных предложений синтетического типа (СТЛЯ 1971: 169–189), затем позднее – в качестве сложнопаянных предложений (Закиев 1995: 418–448). Подобно тюркологам, пытался рассматривать предложения с указанными конструкциями в удмуртском языке В.И. Алатырев (1969: 151–157). Однако такая точка зрения финно-угроведами и удмуртскими языковедами не была принята: конструктивными признаками сложноподчиненного предложения ими традиционно признается, во-первых, наличие подчинительных союзов и союзных слов для связи придаточных предложений с главными, во-вторых, деепричастия и другие неличные формы глагола не могут употребляться в качестве самостоятельного сказуемого ни в простом, ни в придаточном предложениях.

Наряду с придаточными предложениями некоторые конструкции с неличными формами глагола являются весьма продуктивным средством выражения гипотаксиса в удмуртском языке. В коми языке такие конструкции употребляются реже, по-видимому, они вытесняются синонимичными придаточными предложениями. В современном венгерском языке обороты подобного типа, как отмечают исследователи, находятся в реликтовом состоянии. А в самодийских языках они являются основным средством выражения гипотаксиса.

Алатырев В.И. Синтетический тип сложноподчиненных предложений в удмуртском языке // Всесоюзная конференция по финно-угроведению: Тезисы докладов и сообщений. Йошкар-Ола, 1969. С. 151–157.

Гаджиева Н.З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973.

Закеев М.З. Татарская грамматика. Синтаксис. Казань, 1995. Т. III.

Кузнецова Н.Г. Деепричастия в самодийских языках: Тезисы докладов Международной научной конференции «Структура и развитие волжско-финских языков». Йошкар-Ола, 1996. С. 53–56.

Морев Ю.А., Кузнецова Н.Г. Особенности грамматического строя самодийских языков по сравнению с финно-угорскими // Узловые проблемы современного финно-угроведения. Йошкар-Ола, 1995. С. 365–367.

Основы 1974 – Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М., 1974.

Рифтин А. О двух путях развития сложного предложения в аккадском языке // Советское языкознание. Л., 1937. Т. 3. С. 63–69.

СКЯ 1967 – Современный коми язык. Синтаксис / Под ред. Н.Н. Селькова. Сыктывкар, 1967. Ч. 2.

СТЛЯ 1971 – Современный татарский литературный язык. М., 1971.

Цыпанов Е.А. Причастие в коми языке: история, семантика дистрибуция. Екатеринбург, 1997.

Черемисина М. И. Некоторые вопросы теории сложного предложения: Учеб. пособие. Новосибирск, 1979.

Шутов А.Ф. Абсолютные обороты в удмуртском языке // СФУ. 1978. № 4 (XIV). С.283–289.

Bartens R. Mordvan, tšeremissin ja votjakin konjugaaion infiniittisten muotoen syntaksi. Helsinki, 1979.

Fokos-Fuchs D. R. Die Verbaladverbien der permischen Sprachen // ALH VIII. 1958. S. 273–342.

Kangasmaa-Minn E. Über die Nominalisierung des Satzes im Tšcheremissischen // Symposion über Syntax der uralischen Sprachen. Göttingen, 1970. S. 118–131.

Kurylowicz J. The Inflectional Categories of Indo-European. Heidelberg, 1964.

Wiedemann F.J. Grammatik der syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen. St.-Petersburg, 1884.

Архипов Т. Адымилэн чеберез: Роман. Ижевск, 1963.

Васильев Н. Азвесь портсигар. Ижевск, 1976.

Гаврилов И. Вордүськем пальёсын. Кыкетü книга. Ижевск, 1959.

Кедра Мутрей. Секыт зüбет: Роман. 2-тü изд. Ижевск, 1935.

Коновалов М. Гаян. Ижевск, 1958.

Красильников Г. Арлэн кутсконэз. Ижевск, 1965.

Ломагин К. Котьку сюлэмын. Ижевск, 1993.

Молот (литературно-художественный и общественно-политический журнал УАССР).

Самсонов Е. Зор бере: Веросьёс. Ижевск, 1967.

Самсонов С. Кам вадьсын гудыръя. Ижевск, 1969.

Смирнов В. Будо бадярьёс. Ижевск, 1976.

Удмурт дунне (республиканская газета Госсовета и Правительства УР на удмуртском языке).

УКС – Удмурт калык сказкаос. Ижевск, 1940.

Яковлев И. В. Вторая книга для чтения на вотском языке. Казань, 1908.